

Гарри никогда еще так не наказывали, как за историю с бразильским удавом. Когда ему наконец разрешили выходить из чулана, уже начались летние каникулы, а Дадли уже успел сломать новую видеокамеру, разбил самолет с дистанционным управлением и, в первый раз сев на новый гоночный велосипед, умудрился врезаться в миссис Фигг, переходившую Тисовую улицу на костылях, и сбить ее с ног, так что она потеряла сознание. Гарри был рад, что занятия в школе закончились, но зато теперь ему негде было скрыться от Дадли и его дружков, которые каждый день приходили к нему домой. И Пирс, и Деннис, и Малкольм, и Гордон — все они были здоровыми и безмозглыми, но Дадли был самым здоровым и самым безмозглым, и потому именно он считался их предводителем и решал, что будет делать вся компания. И вся компания соглашалась с тем, что следует заняться любимым спортом Дадли — охотой на Гарри. По этой причине Гарри проводил как можно больше времени вне дома, шатаясь неподалеку и думая о том, что не так уж много времени осталось до конца каникул, откуда ему светил крошечный лучик надежды. В сентябре он должен был пойти в среднюю школу и наконец-то расстаться с Дадли. Дадли перевели в частную школу, где когда-то учился дядя Вернон, — в «Вонингс». Кстати, туда же устроили и Пирса Полкисса. А Гарри отдали в самую обычную общеобразовательную школу, в «Хай Камероне». Дадли это показалось невероятно смешным. — В этой школе старшекурсники в первый же день засовывают новичков головой в унитаз, — сразу же начал издеваться Дадли. — Хочешь подняться наверх и попробовать? — Нет, спасибо, — ответил Гарри. — В многострадальный унитаз никогда не засовывали ничего страшнее твоей головы — его, бедняжку, может и стошнить. Гарри убежал раньше, чем Дадли понял смысл сказанного. Как-то в июле тетя Петунья повезла Дадли в Лондон, чтобы купить ему фирменную форму школы «Вонингс», а Гарри отвела к миссис Фигг. Как ни странно, теперь у миссис Фигг стало куда приятнее, чем раньше. Выяснилось, что она сломала ногу, наступив на одну из своих кошек, и с тех пор уже не пылает к ним такой страстной любовью, как прежде. Так что она не показывала Гарри фотографии кошек, и даже разрешила ему посмотреть телевизор, но зато угостила шоколадным кексом, который, судя по вкусу, пролежал у нее в шкафу по крайней мере десяток лет. В тот вечер Дадли гордо маршировал по гостиной в новой школьной форме. Ученики «Вонингса» носили темно-бордовые фраки, оранжевые бриджи и плоские соломенные шляпы, которые называются канотье. Еще они носили узловатые палки, которыми колотили друг друга за спинами учителей. Считалось, что это хорошая подготовка к той взрослой жизни, которая начнется после школы. Глядя на Дадли, гордо вышагивающего в своей новой форме, дядя Верной ужасно растрогался и ворчливым голосом — ворчал он притворно, пряча свои эмоции, — заметил, что это самый прекрасный момент в его жизни. Что же касается тети Петуньи, то она не стала скрывать своих чувств и разрыдалась, а потом воскликнула, что никак не может поверить в то, что этот взрослый красавец — ее крошка сыночек, ее миленькая лапочка. А Гарри даже боялся открыть рот. Он изо всех сил сдерживал смех, но тот так распирает его, что мальчику казалось, что у него вот-вот треснут ребра и хохот вырвется наружу. Когда на следующее утро Гарри зашел на кухню позавтракать, там стоял ужасный запах. Как оказалось, он исходил из огромного металлического бака, стоявшего в мойке. Гарри подошел поближе. Бак был наполнен серой водой, в которой плавало нечто похожее на грязные тряпки. — Что это? — спросил он тетю Петунью. Тетя поджала губы — она всегда так делала, когда Гарри осмеливался задать ей вопрос. — Твоя новая школьная форма. Гарри снова заглянул в бак — Нуда, конечно, — произнес он. — Я просто не догадался, что ее обязательно нужно намочить. — Не строй из себя дурака, — отрезала тетя Петунья. — Я специально крашу старую форму Дадли в серый цвет. Когда я закончу, она будет выглядеть как новенькая. Гарри никак не мог в это поверить, но решил, что лучше не спорить. Он сел за стол, стараясь не думать о том, как будет выглядеть в свой первый день в «Хай Камеронсе» — наверное, так, словно вырядился в обрывки полусгнившей шкуры мамонта. В кухню вошли Дадли и дядя Верной, и оба сразу сморщили носы — запах новой школьной формы Гарри им явно не понравился. Дядя Верной, как обычно, погрузился в чтение газеты, а Дадли принялся стучать по столу форменной узловатой палкой,

которую он теперь повсюду таскал с собой. Из коридора донеслись знакомые звуки — почтальон просунул почту в специально сделанную в двери щель, и она упала на лежавший в коридоре коврик. — Принеси почту, Дадли, — буркнул дядя Верной из-за газеты. — Пошли за ней Гарри. — Гарри, принеси почту. — Пошлите за ней Дадли, — ответил Гарри. — Ткни его своей палкой, Дадли, — посоветовал дядя Вернон. Гарри увернулся от палки и пошел в коридор. На коврике лежали открытка от сестры дяди Вернона по имени Мардж, отдыхавшей на острове Уайт, коричневый конверт, в котором, судя по всему, лежал счет, и письмо для Гарри. Гарри поднял его и начал внимательно рассматривать, чувствуя, как у него внутри все напряглось и задрожало, как натянутая тетива лука. Никто ни разу никогда в жизни не писал ему писем. Да и кто мог ему написать? У него не было друзей, у него не было других родственников, он даже не был записан в библиотеку, из которой ему могло бы прийти по почте грубое послание с требованием немедленно вернуть книги. Однако сейчас он держал в руках письмо, и на нем стояло не только его имя, но и адрес. Так что сомнений, что письмо адресовано именно ему, не было. «Мистеру Г. Поттеру, графство Суррей, город Литтл Уингинг, улица Тисовая, дом четыре, чулан под лестницей» — вот что было написано на конверте. Конверт, тяжелый и толстый, был сделан из желтоватого пергамента, а адрес был написан изумрудно-зелеными чернилами. Марка на конверте отсутствовала. Дрожащей рукой Гарри перевернул конверт и увидел, что он запечатан пурпурной восковой печатью, украшенной гербом, на гербе были изображены лев, орел, барсук и змея, а в середине — большая буква «Х». — Давай поживее, мальчишка! — крикнул из кухни дядя Верной. — Что ты там копаешься? Проверяешь, нет ли в письмах взрывчатки? Дядя Верной расхохотался собственной шутке. Гарри вернулся в кухню, все еще разглядывая письмо. Он протянул дяде Вернону счет и открытку, сел на свое место и начал медленно вскрывать желтый конверт. Дядя Верной одним движением разорвал свой конверт, вытащил из него счет, недовольно засопел и начал изучать открытку. — Мардж заболела, — проинформировал он тетю Петунью. — Съела какое-то экзотическое местное блюдо и... — Пап! — внезапно крикнул Дадли. — Пап, Гарри тоже что-то получил! Гарри уже собирался развернуть письмо, написанное на том же пергаменте, из которого был сделан конверт, когда дядя Верной вырвал бумагу из его рук. — Это мое! — возмутился Гарри, пытаясь завладеть бумагой. — И кто, интересно, будет тебе писать? — презрительно фыркнул дядя Верной, разворачивая письмо и бросая на него взгляд. Его красное лицо вдруг стало зеленым, причем быстрее, чем меняются цвета на светофоре. Но на этом дело не кончилось. Через несколько секунд лицо его стало серовато-белым, как засохшая овсяная каша. — П-П-Петунья! — заикаясь, выдохнул он. Дадли попытался вырвать у него письмо, но дядя Вернон поднял его над собой, чтобы Дадли не смог дотянуться. Подошедшая Петунья, большая любительница сплетен и слухов, взяла у мужа письмо и прочла первую строчку. На мгновение всем показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Тетя схватилась за горло и втянула воздух с таким звуком, словно задыхалась. — Вернон! О боже, Вернон! Тетя и дядя смотрели друг на друга, кажется, позабыв о том, что на кухне сидят Гарри и Дадли. Правда, абстрагироваться на долго им не удалось, потому что Дадли не выносил, когда на него не обращали внимания. Он сильно стукнул отца по голове своей узловатой палкой. — Я хочу прочитать письмо! — громко заявил Дадли. — Это я хочу прочитать письмо, — возмущенно возразил Гарри. — Это мое письмо. — Пошли прочь, вы оба, — прокаркал дядя Вернон, запикивая письмо обратно в конверт. Гарри не двинулся с места. — ОТДАЙТЕ МНЕ МОЕ ПИСЬМО! — прокричал он. — Дайте мне его посмотреть! — заорал Дадли. — ВОН! — взревел дядя Верной и, схватив за шиворот сначала Дадли, а потом Гарри, выволок их в коридор и захлопнул за ним дверь кухни. Гарри и Дадли тут же устроили яростную, но молчаливую драку за место у замочной скважины — выиграл Дадли, и Гарри, не замечая, что очки повисли на одной дужке, улегся на пол, прикладывая ухо к узенькой полоске свободного пространства между полом и дверью. — Вернон, — произнесла тетя Петунья дрожащим голосом. — Вернон, посмотри на адрес, как они могли узнать, где он спит? Ты не думаешь, что они следят за домом? — Следят... даже шпионят... а может быть, даже ходят за нами по пятам, —

пробормотал дядя Верной, который, кажется, был на грани помешательства. — Что нам делать, Вернон? Может быть, следует им ответить? Написать, что мы не хотим... Гарри видел, как блестящие туфли дяди Вернона ходят по кухне взад и вперед. — Нет, — наконец ответил дядя Вернон. — Нет, мы просто проигнорируем это письмо. Если они не получают ответ... Да, это лучший выход из положения... Мы просто ничего не будем предпринимать... — Но... — Мне не нужны в доме такие типы, как они, ты поняла, Петунья?! Когда мы взяли его, разве мы не поклялись, что искореним всю эту опасную чепуху?! В тот вечер, вернувшись с работы, дядя Верной совершил нечто такое, чего раньше никогда не делал, — он пришел к Гарри в чулан. — Где мое письмо? — спросил Гарри, как только дядя Вернон протиснулся в дверь. — Кто мне его написал? — Никто. Оно было адресовано тебе по ошибке, — коротко пояснил дядя Вернон. — Я его сжег. — Не было никаких ошибок, — горячо возразил Гарри. — Там даже было написано, что я живу в чулане. — ТИХО ТЫ! — проревел дядя Вернон, и от его крика с потолка упало несколько пауков. Дядя Вернон сделал несколько глубоких вдохов, а затем попытался улыбнуться, однако это далось ему с трудом, и улыбка получилась достаточно болезненной. — Э-э-э... кстати, Гарри, насчет этого чулана. Твоя тетя и я тут подумали... Ты слишком вырос, чтобы и дальше жить здесь... Мы подумали, будет лучше, если ты переберешься во вторую спальню Дадли. — Зачем? — спросил Гарри. — Не задавай вопросов! — рявкнул дядя Вернон. — Собирай свое барахло и тащи его наверх, немедленно! В доме Дурслей было четыре спальни — одна для дяди Вернона и тети Петуньи, одна для гостей (обычно в роли гостьи выступала сестра дяди Вернона Мардж), одна, где спал Дадли, и еще одна, в которой Дадли хранил те игрушки и вещи, которые не помещались в его первой спальне. Гарри же хватило всего одного похода наверх, чтобы перенести все свои вещи из чулана. И теперь он сидел на кровати и осматривался. Почти все в этой комнате было поломано. Подаренная Дадли всего месяц назад, но уже неработающая видеокамера лежала на маленьком заводном танке, пострадавшем от столкновения с соседской собакой, на которую его направил Дадли. В углу стоял первый телевизор Дадли, который тот разбил ударом ноги, когда отменили показ его любимой передачи. В другом углу стояла огромная клетка, в которой когда-то жил попугай и которого Дадли обменял на духовое ружье — а ружье лежало рядом, и дуло его было безнадежно погнуто, потому что Дадли как-то раз на него сел. Единственное, что в этой комнате выглядело новым, так это стоявшие на полках книги, — создавалось впечатление, что до них никогда не дотрагивались. Снизу доносились вопли Дадли. — Я не хочу, чтобы он там спал!.. Мне нужна эта комната!.. Пусть он убирается оттуда!.. Гарри вздохнул и лег на кровать. Вчера он отдал бы все на свете за то, чтобы оказаться здесь. Сегодня он предпочел бы оказаться в чулане со своим письмом, чем здесь, но без письма. На другое утро за завтраком все сидели какие-то очень притихшие. А Дадли вообще пребывал в состоянии шока. Накануне он орал во все горло, колотил отца новой дубинкой, давился, пинал мать и подкидывал вверх свою черепаху, разбив ею стеклянную крышу оранжереи, но ему так и не вернули его вторую комнату. Что касается Гарри, то он вспоминал вчерашнее утро и жалел о том, что не распечатал свое письмо, пока был в коридоре. Дядя Вернон и тетя Петунья обменивались мрачными взглядами. Когда за дверью послышались шаги почтальона, дядя Верной, все утро пытавшийся быть очень внимательным и вежливым по отношению к Гарри, потребовал, чтобы за почтой ходил Дадли. Из кухни было слышно, как тот идет к двери, стуча своей палкой по стенам и вообще по всему, что попадалось ему на пути. А затем донесся его крик. — Тут еще одно! «Мистеру Г. Поттеру дом четыре по улице Тисовая, самая маленькая спальня». Дядя Вернон со сдавленным криком вскочил и метнулся в коридор. Гарри рванул за ним. Дяде Вернону пришлось повалить Дадли на землю, чтобы вырвать у него из рук письмо, а это оказалось непросто, потому что Гарри сзади обхватил дядю Вернона за шею. После непродолжительной, но жаркой схватки, в которой каждый получил по несколько ударов узловатой палкой, дядя Верной распрямился, тяжело дыша, но зато сжимая в руке письмо, адресованное Гарри. — Иди в свой чулан... я хотел сказать, в свою спальню, — прохрипел он, обращаясь к Гарри. — И ты, Дадли... уйди отсюда, просто уйди. Гарри долго мерил шагами спальню. Кто-то знал, что он переехал сюда из

чулана. И еще этот кто-то знал, что он не получил первое письмо. И все это означало, что этот кто-то попытается передать ему еще одно письмо. И на этот раз Гарри собирался его получить. Потому что у него родился план. * * * Дышащий на ладан будильник благодаря Дадли неоднократно побывавший в мастерской, зазвонил ровно в шесть часов. Гарри поспешно выключил его и быстро оделся, стараясь не шуметь, чтобы ни в коем случае не разбудить семейство Дурслей. Он бесшумно вышел из своей комнаты и, крадучись, пошел вниз в полной темноте — включать свет было опасно. План его заключался в том, чтобы выйти из дома, встать на углу Тисовой улицы и дожидаться появления почтальона, чтобы первым забрать письма. А сейчас он крался по темному коридору, его сердце отчаянно прыгало в груди, и... -А-А-А! Гарри буквально взлетел в воздух, потому что наступил на что-то большое и мягкое, лежавшее на коврике у входной двери. На что-то... живое! Наверху зажегся свет, и Гарри с ужасом увидел, что этим большим и мягким было лицо дяди Вернона. Мистер Дурсль лежал у входной двери в спальном мешке. Не оставалось сомнений, что он сделал так именно для того, чтобы не дать Гарри осуществить задуманное. И, что тоже было несомненно, он вовсе не рассчитывал, что на него наступят. После получасовых воплей дядя Вернон велел Гарри сделать ему чашку чая. Гарри грустно поплелся на кухню, а когда вернулся с чаем, почту уже принесли, и теперь она лежала за пазухой у дяди Вернона. Гарри отчетливо видел три конверта с надписями, сделанными изумрудно-зелеными чернилами. — Я хочу... — начал было он, но дядя Вернон достал письма и разорвал их на мелкие кусочки прямо у него на глазах. В тот день дядя Вернон не пошел на работу. Он остался дома и намертво заколотил щель для писем. — Видишь ли, — объяснял он тете Петунье сквозь зажатые в зубах гвозди, — если они не смогут доставлять свои письма, они просто сдадутся. — Я не уверена, что это поможет, Вернон. — О, у этих людей странная логика, Петунья. Они не такие, как мы с тобой, — ответил дядя Вернон, пытаясь забить гвоздь куском фруктового кекса, только что принесенного ему тетей Петуньей. * * * В пятницу для Гарри принесли не меньше дюжины писем. Так как они не пролезали в заколоченную щель для писем, их просунули под входную дверь, а несколько штук протолкнули сквозь маленькое окошко в туалете на первом этаже. Дядя Вернон снова остался дома. Он сжег все письма, а потом достал молоток и гвозди и заколотил парадную и заднюю двери, чтобы никто не смог выйти из дома. Работая, он что-то напевал себе под нос и испуганно вздрагивал от любых посторонних звуков. * * * В субботу ситуация начала выходить из-под контроля. Несмотря на усилия дяди Вернона, в дом попали целых двадцать четыре письма для Гарри — кто-то свернул их и засунул в две дюжины яиц, которые молочник передал тете Петунье через окно гостиной. Молочник не подозревал о содержимом яиц, но был крайне удивлен, что в доме заколочены двери. Пока дядя Вернон судорожно звонил на почту и в молочный магазин и искал того, кому можно пожаловаться на случившееся, тетя Петунья засунула письма в кухонный комбайн и перемолола их на мелкие кусочки. — Интересно, кому это так сильно понадобилось пообщаться с тобой? — изумленно спросил Дадли, обращаясь к Гарри. * * * В воскресенье утром дядя Вернон выглядел утомленным и немного больным, но зато счастливым. — По воскресеньям — никакой почты, — громко заявил он с довольной улыбкой, намазывая джемом свою газету. - Сегодня - никаких чертовых писем... Он не успел договорить, как что-то засвистело в дымоходе и ударило дядю Вернона по затылку. В следующую секунду из камина со скоростью пули вылетели тридцать или даже сорок писем. Дурсли инстинктивно пригнулись, и письма просвистели у них над головами, а Гарри подпрыгнул, пытаясь ухватить хотя бы одно из них. — Вон! ВОН! — Дядя Вернон поймал Гарри в воздухе, потащил к двери и вышвырнул в коридор. Затем из комнаты выбежали тетя Петунья и Дадли, закрывая руками лица, за ними выскочил дядя Вернон, захлопнув за собой дверь. Слышно было, как в комнату продолжают падать письма, они стучали по полу и стенам, отлетая от них рикошетом. — Ну все, — значимо и весомо произнес дядя Вернон. Он старался говорить спокойно, хотя на самом деле нервно выщипывал из усов целые пучки волос. — Через пять минут я жду вас здесь — готовыми к отъезду. Мы уезжаем, так что быстро соберите необходимые вещи — и никаких возражений! Он выглядел таким разъяренным и опасным,

особенно после того, как выдрал себе полуса, что возражать никто не осмелился. Десять минут спустя дядя Верной, взломав забитую досками дверь, вывел всех к машине, и автомобиль рванул в сторону скоростного шоссе. На заднем сиденье обиженно сопел Дадли — отец отвесил ему затрещину за то, что он слишком долго возился. А Дадли всего лишь пытался втиснуть в свою спортивную сумку телевизор, видеомаягнитофон и компьютер. Они ехали. Ехали все дальше и дальше. Даже тетя Петунья не решалась спросить, куда они направляются. Несколько раз дядя Верной делал крутой вираж, и какое-то время машина двигалась в обратном направлении. А потом снова следовал резкий разворот. — Сбить их со следа... сбить их со следа, — всякий раз бормотал дядя Вернон. Они ехали целый день, не сделав ни единой остановки для того, чтобы хоть что-нибудь перекусить. Когда стемнело, Дадли начал скулить. У него в жизни не было такого плохого дня. Он был голоден, он пропустил пять телевизионных программ, которые собирался посмотреть, и он никогда еще не делал таких долгих перерывов между компьютерными сражениями с пришельцами и чудовищами. Наконец дядя Вернон притормозил у мрачной гостиницы на окраине большого города. Дадли и Гарри выделили одну комнату на двоих — в ней были две двуспальные кровати, застеленные влажными, пахнущими плесенью простынями. Дадли тут же захрапел, а Гарри сидел на подоконнике, глядя вниз на огни проезжающих мимо машин и думая, гадая, мечтая... На завтрак им подали заплесневелые кукурузные хлопья и кусочки поджаренного хлеба с кислыми консервированными помидорами. Но не успели они съесть этот нехитрый завтрак, как к столу подошла хозяйка гостиницы. — Я извиняюсь, но нет ли среди вас мистера Г. Поттера? Тут для него письма принесли, целую сотню. Они там у меня, у стойки портье. Она протянула им конверт, на котором зелеными чернилами было написано: «Мистеру Г. Поттеру, город Коукворт, гостиница «У железной дороги», комната 11». Гарри попытался схватить письмо, но дядя Вернон ударил его по руке. Хозяйка гостиницы застыла, ничего не понимая. — Я их заберу, — сказал дядя Вернон, быстро вставая из-за стола и удаляясь вслед за хозяйкой. * * * — Дорогой, не лучше ли нам будет вернуться? — робко поинтересовалась тетя Петунья спустя несколько часов, но дядя Верной, похоже, ее не слышал. Никто не знал, куда именно они едут. Дядя Вернон завез их в чащу леса, вылез из машины, огляделся, потряс головой, сел обратно, и они снова двинулись в путь. То же самое случилось посреди распаханного поля, на подвесном мосту и на верхнем этаже многоярусной автомобильной парковки. — Папа сошел с ума, да, мам? — грустно спросил Дадли после того, как днем дядя Верной оставил автомобиль на побережье, запер их в машине, а сам куда-то исчез. Начался дождь. Огромные капли стучали по крыше машины. Дадли шмыгнул носом. — Сегодня понедельник, — запричитал он. — Сегодня вечером показывают шоу великого Умберто. Я хочу, чтобы мы остановились где-нибудь, где есть телевизор. «Значит, сегодня понедельник», — подумал про себя Гарри, вспоминая кое о чем. Если сегодня был понедельник—а в этом Дадли можно было доверять, он всегда знал, какой сегодня день, благодаря телевизионной программе, — значит, завтра, во вторник, Гарри исполнится одиннадцать лет. Конечно, нельзя сказать, что у него были веселые дни рождения, например, в прошлом году Дурели подарили ему вешалку для куртки и пару старых носков дяди Вернона. Так что и в этом году от дня рождения ничего особенного ждать не стоило. Но все же не каждую неделю тебе исполняется одиннадцать. Дядя Верной вернулся к машине, по лицу его блуждала непонятная улыбка. В руках он держал длинный сверток, и когда тетя Петунья спросила, что это он там купил, он ничего не ответил. — Я нашел превосходное место! — объявил дядя Вернон. — Пошли! Все вон из машины! На улице было очень холодно. Дядя Вернон указал пальцем на огромную скалу посреди моря. На вершине скалы приютилась самая убогая хижина, какую только можно было представить. Понятно, что ни о каком телевизоре не могло быть и речи. — Сегодня вечером обещают шторм! — радостно сообщил дядя Вернон, хлопнув в ладоши.—А этот, джентльмен любезно согласился одолжить нам свою! лодку. Дядя Вернон кивнул на семящего к ним беззубого старика, который злорадно ухмылялся, показывая на старую лодку, прыгающую на серых, отливающих сталью волнах. — Я уже запасаю кое-какой провизией, — произнес дядя Вернон. — Так что теперь — все на борт! В

лодке было еще холоднее, чем на берегу. Ледяные брызги и капли дождя забирались за шиворот, а арктический ветер хлестал в лицо. Казалось, что прошло несколько часов, прежде чем они доплыли до скалы, а там дядя Верной, поскальзываясь на камнях и с трудом удерживая равновесие, повел их к покосившемуся домику. Внутри был настоящий кошмар — сильно пахло морскими водорослями, сквозь дыры в деревянных стенах внутрь с воем врвался ветер, а камин был отсыревшим и пустым. Вдобавок ко всему в домике было лишь две комнаты. Приобретенная дядей Верноном провизия поразила всех — четыре пакетика чипсов и четыре банана. После еды — если это можно было назвать едой — дядя Верной попытался разжечь огонь с помощью пакетиков из-под чипсов, но те не желали загораться и просто съежились, заполнив комнату едким дымом. — Надо было забрать из гостиницы все эти письма — вот бы они сейчасгодились, — весело заметил дядя Вернон. Дядя пребывал в очень хорошем настроении. Очевидно, он решил, что из-за шторма до них никто не доберется, так что писем больше не будет. Гарри в глубине души был с ним согласен, хотя его эта мысль совершенно не радовала. Как только стемнело, начался обещанный шторм. Брызги высоких волн стучали в стены домика, а усиливающийся ветер неистово ломился в грязные окна. Тетя Петунья нашла в углу одной из комнат покрытые плесенью одеяла и устроила Дадли постель на изъеденной молю софе. Они с дядей Верноном ушли во вторую комнату, где стояла огромная продавленная кровать, а Гарри пришлось улечься на пол, накрывшись самым тонким и самым рваным одеялом. Ураган крепчал и становился все яростнее, а Гарри не мог заснуть. Он поеживался от холода и переворачивался с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее, а в животе у него урчало от голода. Дадли захрапел, но его храп заглушали низкие раскаты грома: началась гроза. У Дадли были часы со светящимся циферблатом, и когда его жирная рука выскользнула из-под одеяла и повисла над полом, Гарри увидел, что через десять минут ему исполнится одиннадцать лет. Он лежал и смотрел, как бегаёт по кругу секундная стрелка, приближая его день рождения, и спрашивал себя, вспомнят ли Дурсли об этой дате. Но еще больше его интересовало, где сейчас был тот, кто посылал ему письма. До начала следующего дня оставалось пять минут. Гарри отчетливо услышал, как снаружи что-то заскрипело. Ему хотелось верить, что крыша домика выдержит атаку дождя и ветра и не провалится внутрь, хотя, возможно, так стало бы теплее — все равно хуже, чем сейчас, быть уже не могло. Часы Дадли показывали без четырех двенадцать. Гарри подумал, что, когда они вернутся на Тисовую улицу, вполне возможно, в доме будет столько писем, что ему удастся стащить хотя бы одно. Без трех двенадцать. Снаружи раздался непонятный звук, словно море громко хлестнуло по скале. А еще через минуту до Гарри донесся громкий треск — наверное, это упал в море большой камень. Еще одна минута, и наступит день его рождения. Тридцать секунд... двадцать... десять... девять... Может, имеет смысл разбудить Дадли, просто для того что-бы его позлить? Три секунды... две... одна... БУМ! Хижина задрожала, Гарри резко сел на полу, глядя на дверь. За ней кто-то стоял и громко стучал, требуя, чтобы его впустили. Но кто?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/101025/3465389>